

Л.А.Ивкина

«Этот прелестный край, который нельзя забыть». Путевые заметки русского писателя и историка Александра Лакиера о Кубе.

В 1858 г. на страницах русской либеральной прессы - в журналах «Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки»- стали публиковаться путевые заметки русского историка Александра Борисовича Лакиера, которые тот вел во время своего путешествия по Западной Европе, Ближнему Востоку и Америке. Впоследствии на основе этих публикаций автор издал две книги: «Городские школы в Бостоне» и двухтомный труд «Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе». Материал по Кубе вошел отдельной главой во второй том указанной выше работы. Для исследователей истории Латинской Америки путевые заметки о пребывании А. Лакиера на острове Куба представляют несомненный научный интерес¹.

Сведения о самом авторе весьма скупы. Известно, что А.Б. Лакиер (1825-1870) окончил юридический факультет Московского университета, в 23 года защитил магистерскую диссертацию по теме «О вотчинах и поместьях». По окончании университета работал в министерстве юстиции, одновременно продолжая заниматься научной деятельностью. Был знаком с известным русским историком С.М. Соловьевым. В 1856-1858 гг. предпринял путешествие по Западной Европе, Ближнему Востоку, США, Канаде и Кубе. По возвращении из путешествия (1858) работал в Министерстве внутренних дел, занимаясь статистикой. Являлся редактором комиссии по подготовке реформы 1861г. (освобождение крестьян). Автор ряда работ по истории России: «История титула государей России» (1847); «О службе в России до времен Петра Великого» (1850);

---

¹ Лакиер А. Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе. Т. I-II. СПб., 1859. Т. II. С. 266-345; Воспоминания автора о его поездке на Кубу впервые появились в журнале «Отечественные записки»: Остров Куба (Из путевых записок) // Отечественные записки», 1858. Т. 120. отд. I. С. 487-550.

«Обзор сношений между Россией и Англией в XVI и XVII вв.» (1854). Наибольшей известностью пользуются его работа «Русская геральдика» (1855), в которой автор исследовал происхождение русских гербов.

Путевые заметки А. Лакиера являются ценным источником по истории, экономике, культуре и этнографии Кубы XIX в. По содержанию, красочности, манере изложения материала они превосходят работы подобного жанра, написанные иностранными путешественниками. Его работу отличает объективизм, непредвзятость и историзм. В предисловии он отметил: «Личные наблюдения служили главным для меня источником. С этой целью я углублялся внутрь страны, живя на плантациях и фермах, говорил с американцами; но в то же время не мог и не должен был пренебречь газетами, некоторыми официальными и частными источниками, хотя правилом у меня всегда оставалось описывать только то, что видел и в чем мог удостовериться на месте»². Именно личные впечатления легли в основу объективного осмысления политического, социального и экономического положения Кубы в рассматриваемый период. Поэтому выводы автора - главное достоинство его воспоминаний.

Автор посетил Кубу в конце 1858 г. Этот период истории Кубы можно было бы охарактеризовать как затишье перед бурей. Только что завершился длившийся почти десять лет аннексионистский ажиотаж, подпитываемый изнутри кубинскими сторонниками присоединения острова к США, а извне - сторонниками аннексии острова любым путем в самих США. Испании удалось удержать в своих руках одну из своих богатейших колоний в Западном полушарии. Однако она не торопилась изменять существенным образом колониальный режим, ужесточенный после окончания войны за независимость (1810-1826). По-прежнему генерал - капитаны обладали неограниченными властными полномочиями, по-прежнему существовали ограничения на внешнюю торговлю острова с другими странами, а креольское население, политически бесправное, не допускалось к управлению островом. По-прежнему, хотя и не в такой степени, продолжалась контрабандная работоторговля, а система рабства находилась под негласной защитой испанских колониальных властей. Характеризуя общественно-политический климат, сложившийся на Кубе в этот период, известный либеральный кубинский политический и общественный

---

² Лакиер А. Указ. соч. Т. I. С. I-II.

деятель Хосе Антонио Сако в работе «Надежды Кубы» писал: «Завершается 1858 год; обстановка на Кубе довольно спокойная, однако чувствуется внутреннее недовольство. Ибо народ, осознающий свои права и достоинство, до сих пор живет в тисках колониального деспотизма. Как выйти из этой ситуации? И сколь долго будет ещё продолжаться такое состояние, которое может привести к печальным как для родины - матери, так и для ее дочери, последствиям?»³.

Увидев Кубу, восхищенный и пораженный ее красотой, А. Лакиер назвал остров самым богатым краем, «где человеку дано не только все необходимое, но даже и то, до чего с трудом может прийти самое требовательное воображение, даны в избытке красоты природы, теплое солнце, вечно ясное небо»⁴.

Внимательный взгляд русского путешественника заметил не только красоты острова. Ему удалось подметить и описать наиболее важные, характерные моменты и особенности социально-экономического и политического развития Кубы в середине XIX века и донести все увиденное до русского читателя. Он обратил внимание на углублявшиеся противоречия между креольским и испанским населением, на сильную заинтересованность Испании в сохранении за собой этой «жемчужины Антилл» и рабства, на все более растущие притязания на остров со стороны экспансионистских политических кругов США.

В первую очередь русского путешественника интересовал вопрос, который тогда занимал умы многих государственных деятелей: об истинных намерениях США в отношении Кубы. Посетив накануне своей поездки на Кубу Соединенные Штаты, он, безусловно, не мог не заметить, что проблема присоединения острова к США была одной из ведущих задач американской внешней политики.

Уже на корабле, направлявшимся из Нью-Йорка в Гавану, А. Лакиеру удалось побеседовать с американским попутчиком - северянином, хорошо осведомленном о планах США в отношении Кубы.

Хотя сам А. Лакиер признался, что является откровенным противником всяческого покушения «на чужую землю», (будь то «си-

---

³ Saco J.A.Papeles sobre Cuba.Colección de papeles científicos, históricos, políticos y de otros ramos sobre la isla de Cuba ya publicados, ya inéditos.T.I-III.La Habana,1960-1963.T.III.P.558.

⁴ Лакиер А. Указ.соч. Т.II. С.275,344.

лой долларов или силой оружия), он с интересом выслушал своего собеседника, речь которого, как он отметил, «носила печать американской логики»⁵. Эту беседу он затем довольно подробно и детально изложил в своем путевом дневнике.

Главными сторонниками присоединения острова к США, начал свою речь северянин, являлись рабовладельцы южных штатов. Хотя американский собеседник не одобрял их устремлений «в побудительных причинах», но зато оправдывал «со стороны выгоды всей Union». «Мы - жители северных свободных штатов,- отметил он,- знаем, что граждане Луизианы, штатов Миссисипи, Алабамы, Флориды, короче, южных штатов, защищающих рабство негров, желают присоединения Кубы не для чего иного, как для того, чтобы иметь перевес над штатами северными, число которых увеличивается со всяким годом»⁶. Именно поэтому, добавил он, они всегда будут помогать любому флибустьеру или искателю приключений, подобно генералу Лопесу, в их авантюристических кампаниях с целью захвата острова.

Куба, продолжил он, была важна для США также и в экономическом плане. Со времени приобретения Американскими Штатами Калифорнии, и особенно после открытия там залежей золота, «путь к Панамскому перешейку стал одним из самых важных для мореплавания». «Положение Кубы на пути, множество удобных гаваней, не говоря уже о Гаване, недостаток в тропической земле именно тех продуктов, которые необходимы для первоначальных потребностей человека - зернового хлеба, мяса, хлопчатой бумаги, мануфактурных изделий, и, наоборот, изобилие сахара, кофе, табака делают из Кубы лучший рынок для американской торговли, что послужит к прямой и непосредственной пользе страны, возвысит благосостояние её жителей и, следовательно, в этом отношении, ничего не может быть сказано в опровержение стремления союза Американских Штатов»⁷.

Присоединение острова целесообразно и со стратегической точки зрения, продолжал собеседник А. Лакиера, так как, владея Кубой, США могут не бояться нападения со стороны любого государства. История новейших времен показывает, что «гавани острова Кубы всегда считались самыми важными и без их помощи ев-

---

⁵ Там же. С.268,269.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.270.

ропейские флоты не находили бы для себя пристанища»⁸.

Указывая на «необходимость» аннексии острова США собеседник А. Лакиера оправдывал её стремлением распространить американскую цивилизацию там, где господствует нищета и бесправие; дать возможность притесняемым жителям вкусить плоды самоуправления и свободы, сравнять права всех граждан. Таким образом, завершил он свою пространную речь, «не только эгоистическое чувство самосохранения и увеличения выгод, но и высшее стремление к распространению просвещения руководят и всегда руководили политикой союза Американских Штатов в деле приобретения острова Кубы»⁹.

Внимательно выслушав своего американского попутчика, А. Лакиер верно подметил, что желание американцев завладеть островом могло бы осуществиться намного ранее, если бы не опасение вмешательства со стороны Англии и Франции¹⁰.

В то же время он не мог скрыть своей радости, что ещё до прибытия на Кубу «узнал от американца образ воззрения его соотечественников на вопрос, который в последнее время наделал столько шума и недавно ещё был, можно сказать, притчей во языцех»¹¹.

Первые впечатления об острове были яркие и разнообразные. Столица Кубы, Гавана, встретила его теплом и пестротой красок: «Утро было превосходное, пока солнце ещё не палило, небо спорило с морем в яркости синевы, и с этим цветом совершенно гармонировали голубые загородные дома гаванцев, отражавшиеся в заливе...»¹². Как только пароход, войдя в прекрасную бухту, остановился, к нему поспешили лодки, нагруженные тропическими плодами - ананасами, бананами, апельсинами. Лодочники в белых соломенных шляпах предлагали свои услуги.

После прохождения таможенного досмотра и получения вида на жительство, А. Лакиер был препровожден в отель. Приятные впечатления от великолепнейшей природы и гаванских экипажей (волантов) были несколько испорчены жалким видом гаванских отелей, дорогих и, к тому же, дурно и плохо (по сравнению с американскими), устроенных, а также дороговизной столичной жизни в целом.

Прожив некоторое время в Гаване, А. Лакиер стремился по-

---

⁸ Там же. С.271.

⁹ Там же. С.269,271.

¹⁰ Там же. С.272.

¹¹ Там же. С.273.

¹² Там же. С.274.

стичь и запечатлеть в своей памяти самые характерные особенности быта, жизни и традиций кубинского общества, почерпнуть сведения по истории острова и его столицы. Приятно поражает и удивляет его блестящая осведомленность о работах по истории Нового Света. Он приводит работы первых испанских и кубинских летописцев и историков: Х. Б. Муньоса, Г.Ф. де Овьедо и Вальдеса, испанского историка XIX в. Х.де ла Песуэлы, кубинца Х.М. де ла Торре. Однако, по его мнению, «лучшим, самым полным сочинением о политическом состоянии Кубы, её обитателях, промышленной деятельности и т.д. остается книга А. Гумбольдта, путешествовавшего в тропических странах вместе с Бопланом с 1799 по 1804 года»¹³.

Читая воспоминания А. Лакиера, русский читатель смог почерпнуть много сведений об открытии, завоевании и колонизации острова в XVI в., его географическом положении, флоре и фауне, ознакомиться со статистическими данными о ее внешней торговле, численности населения, о состоянии железных дорог, главных периодических изданиях, о роли католической церкви в общественной жизни острова и пр. Интересны описания старой (*intramuros*) и новой (*extramuros*) Гаваны, ее гаваней и крепостей, фонтанов и памятников, ее окрестностей, Ботанического сада с его интереснейшей и богатой коллекцией тропических растений.

Проведя на острове несколько дней, он обратил внимание на то, что и без завоевания «влияние штатов, как государства, и американцев гораздо осязательнее на острове Кубе, чем где-нибудь в другом месте». «Тогда как испанцы в Европе живут далеко от новейших усовершенствований, не могут похвастаться (кроме Каталонии) большим количеством фабрик и мануфактур,- записал он в своем дневнике,- Куба, под влиянием Америки, имеет из главных пунктов к морским берегам железные дороги; американские инженеры управляют сахарными заводами, на которых нередко видишь новейшего изобретения машины; есть торговые компании пароходства; многие мастеровые, родом испанцы, усовершенствовались в своем мастерстве в Америке и около 2000 юношей с Кубы получают образование в американских школах, а потому хотя испанский язык и преобладает на острове Кубе, как родной, после него всего более говорят, особенно в приморских городах, на английском»¹⁴.

---

¹³ Там же. С.289,290.

¹⁴ Там же. С. 272,273.

Тем не менее, вся жизнь кубинского столичного общества была проникнута испанским духом. А. Лакиеру удалось присутствовать на празднике, посвященном открытию памятника испанской королеве Изабелле II. К нему готовились тщательно и заранее: выравнивалась площадь, строились беседки для почетных гостей, сам памятник был украшен национальными флагами и освещался разноцветными газовыми фонариками. Его открытие было назначено на 8 утра 19 ноября (день ангела королевы). Уже в 7 утра вся площадь перед памятником была заполнена народом и приглашенными гостями. Было много военных, пестрота и богатство одеяний которых поразило русского путешественника. «Здесь как будто собраны образцы одежды войск всех стран и народов: мундиры красный - английский, уланский - наш, прусский, австрийский и т.д.», - записал он в своем дневнике. Все испанские чиновники были в парадных мундирах с множеством орденов, а их дамы в черных шелковых нарядах и с привычной вуалью на головах. Все это празднество, его мишура и блеск, по мнению автора, отдавало средневековым.

В торжестве принимал участие сам генерал-капитан Кубы Х. Гутьеррес де ла Конча. Ровно в восемь утра в сопровождении свиты он въехал на площадь на красивом андалузском коне. «Правителя приветствовали войска, и когда флаги, в которых был закутан памятник, были отдернуты и стали развеваться по четырем его сторонам, генерал, обратясь к нему, сказал: «Viva mucho» (многие лета), что повторено было и войском и народом, стоявшим на крышах домов, на соседних балконах, в окнах театра и взмостившимся на деревья»¹⁵. После военного парада в доме генерал - капитана был дан бал для высшего общества Гаваны, куда был приглашен и А. Лакиер. А на площади это время продолжались народные гулянья, танцы, играла музыка.

Русский путешественник также заметил, что на Кубе велико влияние католической церкви. Здесь, как и в Испании, церковные процессии и шествия, а также праздники в честь святых, признаваемых католической церковью, были довольно часты. При этом все церковные торжества собирают много народа: «Стар и млад, - записал он, - ждет шествия, чтобы поклониться образу, полюбоваться на статных военных, сопровождающих процессии, на властей в мундирах. Я имел случай видеть одну из этих процессий; и так как она была в память прибытия испанцев и первой обедни,

---

¹⁵ Там же. С.286,287.

которую христиане служили в земле диких язычников, то интерес целого дня был сосредоточен около так называемого *templete*, часовни, поставленной в память этого важного события»¹⁶. В этом действе принимали участие все сословия кубинского общества: как на гулянье закладывались воланты, представительницы высшего креольского общества наряжались в самые лучшие наряды, балконы домов покрывались коврами или яркими покрывалами. Все население высыпало на улицы, или наблюдало с балконов или крыш домов за церковной процессией, в которой принимало участие многочисленное духовенство, монахи разных орденов, в их числе, конгрегация черных, а также городские власти. Завершал эту процессию помост, на котором возвышались две статуи¹⁷.

Велико было, по мнению автора, влияние католической церкви и в сфере образования. А. Лакиер отметил, что для первоначально образования белых существуют школы в городах, а численность учащихся составляет приблизительно около 10 тыс. В главных же городах - Гаване, Сантьяго де Куба - учреждены духовные семинарии, в Гаване есть университет. «Обучение,- отметил он,- устроено по образцу испанского, в полной зависимости от правительства и под влиянием католического, единственного, впрочем, духовенства, потому что никакие другие вероисповедания нетерпимы»¹⁸.

В путевых заметках А. Лакиера содержатся очень интересные наблюдения о все более растущих размежеваниях между креольским и испанским населением. Он был представлен самому генерал - капитану Кубы Х. Гутьерресу де ла Конче (в период второго срока его правления: 1854-1859) и его супруге, и «видел у него общество Гаваны во всех его разнообразных слоях и делениях»¹⁹.

Лакиер обратил внимание на то, что даже иностранные торговцы, в руках которых была сосредоточена вся столичная торговля, практически не общаются с «туземным» (креольским - Л.И.) населением. Существовавшее, по его мнению, «добровольное разделение общества на слои, если не враждебные один другому, по крайней мере, смотрящие на себя взаимно недружелюбно, делает то, что они редко сходятся для общего веселья или для душевной беседы. Если частным человеком, положим, богатым креолом, дается бал, он постарается не приглашать испанских чиновников и

---

¹⁶ Там же С.296.

¹⁷ Там же. С.296,297.

¹⁸ Там же. С. 295.

¹⁹ Там же. С.286.

военных, потому что в их лице считает себя обиженным метрополией, оставившей в тени колонию, тогда как она-то собственно дает наиболее средств к содержанию двора, войска и флота. Такое исключение лиц, имеющих право на уважение, распаляет ещё более и без того закоренелую вражду, переносимую от забавы к делам серьезным»²⁰.

Жители Гаваны, с которыми непосредственно общался русский путешественник, по его мнению, «отзывались не совсем выгодно о своих отношениях с метрополией». «Креол, то есть испанец, родившийся в Америке, не любит, когда его назовут испанцем, а предпочитает название креола...». Креолы, отмечал далее А. Лакиер, «нисколько не скрывают, что их положение было бы гораздо лучше при перемене образа правления на Кубе; но в руках правительства есть всегда сильное средство против креолов, средство, приготовленное самими же плантаторами: это - негры-рабы и свободные, которым стоит дать надежду или даже позволение сравняться с белыми для того, чтобы последние лишились своего состояния, влияния и, наконец, бросили теперешние места жительства, как это случилось во время революции на С. Доминго»²¹.

Ознакомившись с достопримечательностями Гаваны, русский путешественник захотел расширить свои познания об этом прекрасном острове. В своем дневнике он записал: «Как ни хороша Гавана, как ни цветисты и привлекательны для северного глаза её ближайшие окрестности, я хотел бы побывать внутри острова, пожить на плантациях, увидеть, сколько возможно ближе негров, посмотреть на работы их и вообще взглянуть лицом к лицу на быт страны, которая меня занимала»²².

Заручившись рекомендательными письмами, он направился в Гуанахай (Пинар-дель-Рио), где посетил табачные и кофейные плантации, а также ряд инхениос (заводов по переработке сахарного тростника), в том числе и инхенио Эль-Пилар (El Pilar), принадлежавшее некому Шапотеню, выходцу с Санто-Доминго, отец которого обосновался на Кубе ещё в конце XVIII века.

Он ознакомился с методами выращивания табачного листа и кофейного дерева, производственным процессом переработки сахарного тростника. Русский путешественник привел исторические сведения о возникновении и развитии ведущих отраслей экономи-

---

²⁰ Там же. 285.

²¹ Там же. С.271,272.

²² Там же. С.300.

ки острова - сахарной, табачной, кофейной и подкрепив их статистическими данными. Он отметил, что сахарная промышленность стала теперь (середина XIX в.) ведущей отраслью производства²³.

А. Лакиер подробно и детально описал принцип функционирования сахарного производства: «Устройство сахарного завода или, кратко, инхенио (*ingenio*), как его называют испанцы, требует большого капитала, большой рабочей силы и много земли, и потому сахарный тростник (*caña*) при каждом заводе занимает значительное пространство полей и посреди зелени, похожей на зелень маиса, или нашего болотного камыша, едешь иногда мили. Разведенный на девственной почве тростник растет без особенных забот со стороны человека от 20 до 23 лет, а некоторые сорта, при благоприятных условиях, даже до 40 лет²⁴. Производство сахароварения на Кубе, отметил далее автор, особенно возросло в последнее время, когда Санто-Доминго и другие Антильские острова перестали вообще выделывать сахар. В то же время новейшие усовершенствования в механике, новые открытия в химии способствовали резкому повышению уровня производства сахара-сырца при прежнем количестве рабочей силы. Недаром испанцы, отметил он, «величают именем *ingenio* только сахарный завод: для него необходимы машины несколько сложные, необходимы приемы, которых не требует ни разведение табака, ни кофе. К большей части заводов применен пар; машины для них из Соединенных Штатов, инженеры или *machinista*, почти всегда американец, управляет ею, и прежних заводов, выдавливающих сок из тростника посредством мулов и волов (*trapiches y de bueyes*), осталось очень мало»²⁵. При этом автор, как правило, оперирует данными, заимствованными из работ А.Гумбольдта.

Наибольшую ценность для исследователей, безусловно, представляют материалы из путевых заметок, затрагивающие наиболее острые социальные проблемы кубинского общества. Среди них особый интерес представляют выводы автора о проблеме рабства негров на Кубе. Посетив плантации кофе, табака, сахарного тростника, автор воочию увидел самые неприглядные стороны эксплуатации негров-рабов, отобразил ужасающие европейца условия жизни и быта невольничьего населения. В воспоминаниях А. Лакиера присутствует материал по истории рабства на Кубе, приво-

---

²³ Там же. С.334.

²⁴ Там же. С.335

²⁵ Там же. С.335,336.

дятся данные о ввозе первых партий невольников, о численности несвободного населения, показана его роль в производственной сфере.

Автора приятно удивило радушие, с которым его принимали креольские собственники. Но теплые впечатления от кубинского гостеприимства моментально исчезли, как только автор увидел хозяина табачной плантации, чьим гостем он оказался, с неизменной плеткой, предназначенной для наказания несчастных невольников.

Точно также рассеялись радужные впечатления от посещения кофейной плантации, как только ему показали двор, где на ночь запирались негры, а днем без присмотра, в грязи и пыли, на раскаленной земле под яркими лучами солнца валялись голые маленькие дети. Владелец кофейной плантации, гостем которого оказался русский путешественник, заметив жалость в его глазах при взгляде на невольников, стал говорить о необходимости рабства, доказывая, что у негритянок нет даже такого нежного материнского чувства, как у наших женщин, что тому препятствуют неразвитость и грубость расы; что европейский работник «нисколько не счастливее раба, обеспеченного на всю жизнь, работающего, правда, но зато никогда не нуждающегося». В путевых заметках А. Лакиер потом записал: « Вы говорите о необходимости рабства: это ваша выгода; не скрывайте, по крайней мере, его гнусности и унизительности для каждого, тем более для белого, и еще величающего себя образованным»²⁶.

А. Лакиер подробно описал условия жизни и быта рабов на Кубе. Как правило, при плантациях существовал особый двор, обнесенный галереей, в которой были сделаны нары для жилища негра и его семьи. Двери каждого помещения закрывались на ночь. В углу двора, недалеко от забора высилась башня, куда заключались непокорные рабы. Дети до пятнадцатилетнего возраста, а также больные и старые рабы, жили отдельно.

Работа на плантации продолжалась с раннего утра до позднего вечера, иногда и 18 часов в день. Легко провинившиеся рабы работали в цепях или в колодке на шее. Вечером пригнанные с работы невольники готовили на огне какую-то еду. В воскресенье работы длились до 11 утра; это позволяло рабу заняться своим участком земли, где он разводил разную зелень, овощи, сажал бананы, табак. «Лишнее, - продолжал далее автор,- он продает, за добытые деньги

---

²⁶ Там же. С.316,317.

покупает лотерейный билет, живет надеждой, пока не потеряет её, и затем опять работает, не ища и не видя выхода из рабства»²⁷.

Негры-рабы не имели права покидать плантации и могли выходить из отведенного для них помещения только на работы. Хотя невольники и были обращены в католическую веру, они не получали никакого образования, и, за редким исключением, были безграмотны²⁸.

В то же время А. Лакиер вынужден был признать, что положение негров на Кубе несколько лучше, чем в Соединенных Штатах, где он только что побывал. На Кубе «отпущение на волю чаще, чем в других местах, где есть негры. Свобода дается или даром, на помин души, по завещанию, или за деньги, Правительство не только не препятствует этим отпущениям на волю, напротив, определяет меру вознаграждения, по уплате чего раб становится свободным. Ему достаточно отыскать другого владельца, который внес бы сумму, за которую он куплен, и он переходит к нему»²⁹.

Сложнее было получить свободу рабам, работавшим на плантациях. Здесь много зависело от личности владельца. Но стремящийся и мечтающий о свободе раб «берет билеты в разыгрываемую постоянно лотерею, и бывали примеры, что на билет, взятый сообща двумя, тремя неграми, счастье посылало им выигрыш, на который все они приобретали свободу»³⁰.

Свободными могли также стать так называемые «эмансипадос», т. е. рабы, нелегально ввезенные на остров после 1820 г. и захваченные английскими кораблями, осуществлявшими надзор за соблюдением договора о запрещении работорговли. Хотя, как свидетельствуют современники, часто свобода для них была лишь прописана на бумаге. А. Лакиер отмечал, что если у берегов Кубы захватывался груз с «живым» контрабандным товаром, то «негры поступают в распоряжение правительства и комитета о вольноотпущенных (*Junta de emancipados*), распределяются в разные города для общественных работ, раздаются на плантации по просьбам владельцев, на железные дороги и, наконец, в дома для прислуги, или даром, если лица, ходатайствующие о том, чиновники, вдовы офицеров, или со взносом в 25 долларов за каждого негра, в других случаях»³¹.

---

²⁷ Там же. С.334.

²⁸ Там же. С. 333,334.

²⁹ Там же. С. 318.

³⁰ Там же. С. 318,319.

³¹ Там же. С.324,325.

Описывает А. Лакиер и другой способ освобождения рабов, когда «владельцы плантаций, уменьшившие или прекратившие свою деятельность, не желая продавать негров, дают им возможность работать по найму у других и вносить за себя деньги, пока не уплатят, что стоили хозяину»³². Такая форма освобождения получила наибольшее распространение в 60-е годы XIX века.

Вольноотпущенные негры на Кубе, заметил автор, живут и работают по найму в городах или на плантациях, и их положение, повторился он, намного лучше, а общественное мнение не преследует до такой степени, как в США. «Мулат, - заметил он,- совершенно белый, получивший прекрасное образование где-нибудь во Франции, не мог бы сидеть рядом с последним белым работником в Америке...»³³.

Тем не менее, продолжал автор, и в настоящее время (середина XIX в.) преобладающим рабочим элементом, особенно на плантациях сахарного тростника, были негры-рабы.

Русский историк верно заметил, что подписанные многочисленные двухсторонние договоры между Англией и Испанией (1817,1820,1835,1845) по существу так и остались лишь декларациями. Экономические интересы Испании в этот период были прочно связаны с работорговлей и рабством. А. Лакиер писал, что «хотя испанский король (Фердинанд VII- *Л.И.*) получил от Англии взамен потерь, которые он нес от прекращения постыдного торга, сумму в 400 000 фунтов стерлингов, то есть более 2.500 000 рублей серебром, до сих пор запрещенный торг не прекращается; и как ни бдительны английские крейсера, корабли, нагруженные неграми, переплывают океан, пристают в каком-нибудь из многочисленных портов Кубы и с ведома, или без ведома правительства, спускают свой груз на берег и продают его на плантации.... По свидетельству американских судовладельцев и капитанов, занимающихся перевозкой негров, огромная выгода остается им даже и тогда, когда из пяти грузов только один дойдет до места назначения, а четыре остановлены крейсерами. Так ничтожны издержки при приобретении негров на месте и так дорого платят за них на Кубе!»³⁴.

Именно в эти годы на Кубе, как никогда ранее, расцветает пышным цветом контрабандная работорговля, а число невольников существенно возрастает. В продолжении работорговли и со-

---

³² Там же. С. 319.

³³ Там же. С.321,322.

³⁴ Там же. С.324,325.

хранении института рабства были заинтересованы не только крупные плантаторы, получавшие от эксплуатации дешевого рабского труда огромные прибыли, но и вся коррумпированная верхушка испанской колониальной администрации, испанские торговцы, монополизировавшие торговлю живым товаром, сам испанский двор. За каждого раба, нелегально доставленного на остров, генерал - капитаны получали по 10 песо. Чистый доход от одного груза (около 500 рабов), доставленного с Золотого Берега Африки, составлял 120-130 тыс. песо³⁵.

Начиная с 1820 г. таможни Кубы перестали регистрировать ввозимый из Африки живой груз, стремясь всячески исказить истинное количество ввозимых нелегально рабов. «По-видимому, правительству Кубы легко было бы искоренить запрещённый торг», - справедливо отмечал А. Лакиер в своих путевых заметках, - если бы оно того искренне желало: на каждого раба плантатор должен иметь свидетельство (*cédula*) и внести за него, если он в городе, крепок и в возрасте от 12 до 60 лет, по одному доллару, а если на плантации, малолетен или старше 60 лет - по одному реалу. Кроме того, всем выданным свидетельствам и, следовательно, неграм, ведутся списки; но, пользуясь потворством чиновников, плантатор переносит свидетельство с умершего негра на вновь приобретенного или предпочитает платить по несколько лет за свидетельство на несуществующего раба, лишь бы иметь его наготове, когда придет новый груз»³⁶.

Запрещение и преследование работорговли вынуждало кубинских плантаторов искать другие пути пополнения невольничьего населения. Еще в конце XVIII в. они стали требовать, чтобы вместе с неграми - рабами на остров доставлялись и негритянки, чтобы черная раса могла размножаться сама собой. Как ни странно, эта идея была поддержана католическими монахами, а также самими кубинскими властями. Уже в 1817 г. на 106521 негра приходилось 60322 негритянки. Из донесений генерал-губернатора в первую половину 1855 г. следовало, что на 45253 рабовладельцев приходилось 374806 рабов, из которых 226059 были мужского и 148747 - женского пола³⁷. Может быть, эта политика могла бы стать результативной, отмечал А. Лакиер, «и черное население Кубы увеличивалось гораздо значительнее через собственное при-

---

³⁵ Del Monte D. Escritos. T.1-2.La Habana,1929.T.1.P.138,139.

³⁶ Лакиер А. Указ. соч. Т.П. С.325,326.

³⁷ Там же. С. 326.

ращение, если бы негры не были так изнуряемы на сахарных плантациях и особенно в месяцы, посвященный выделке сахара, ночными работами, если бы, далее браки были действительно браками, а не неправильным сожитием, не по выбору мужчины, а по распоряжению администратора, и если бы за детьми было более присмотра и ухода»³⁸.

Большой научный интерес представляет содержащийся в воспоминаниях материал о роли китайского иммигрантского населения. Как известно, использование труда китайских рабочих (кули), было одной из многочисленных попыток эволюционного преобразования производственных отношений, покоившихся на рабстве.

Первые законтрактованные китайские рабочие появились на Кубе в 1847 г., а в последующие годы их ввоз существенно возрос. «Мысль ввоза китайцев в качестве свободных работников принадлежит англичанам и американцам, - писал А. Лакиер, - видевшим в этом свободном переселении средство поставлять рабочую силу в колонии и в Калифорнию. На Кубу первый груз китайцев привезли корабли английские, а за ними американские, и с первого же раза доставка их приняла большие размеры. Так, американский консул в Гаване, в апреле 1855 года, доносил о контракте, заключенном значительным торговым домом на привоз от семи до восьми тысяч человек, и промышленники имели с головы от 70 до 80 долларов барыша, затем в ноябре консул извещает свое правительство, что на будущий год сделаны заказы о привозе от сорока до пятидесяти тысяч азиатцев. Сколько действительно привезено до настоящего времени вольных работников с берегов Китая - дознаться трудно; но на некоторых плантациях, особенно на сахароварных заводах, число желтых вольных превосходит число черных рабов»³⁹.

Правда, вряд ли их можно было назвать вольными работниками, пока они работали по контракту, замечает А. Лакиер, и довольно подробно описал схему вербовки агентами богатых торговых домов в открытых портах Китая несчастных китайских рабочих.

Срок работы по контракту составлял 5 лет. При подписании контракта китайскому рабочему обещали чуть ли не райскую жизнь: что климат нового места жительства не будет отличаться от климата Китая, работа не будет тяжелой, а перевозка будет легкой и удобной, жалование будет платиться вперед за два месяца, а за-

---

³⁸ Там же. С.326,327.

³⁹ Там же. С.327,328.

тем ежемесячная оплата составлять 4 доллара; они будут обеспечиваться продуктами питания (мясом, рыбой, рисом, мукой) или получать вместо них 2 долл. в месяц на еду; им также обещали две смены одежды бесплатно в год и пр. Кроме того, китайцам сулили предоставить небольшой участок земли (морр), который они могли обрабатывать для своих нужд. Поселенцу даже позволялось взять с собой без платы за проезд жену и детей.

Но все эти положения выглядели красиво и человечно только на бумаге. Уже на корабле поселенцы понимали, в какой «рай» они попали: они видели, что «с ними обходятся, как с рабами; что корабли, для перевозки их употребляемые, ничем не лучше тех, на которых возят негров; капитан меняет тон; при ропоте и сопротивлении китайцев они запираются в трюм и задыхаются, как это случилось в начале 1856 года с 350 несчастными переселенцами, ехавшими на американском корабле «Ваверлей» (Waverley), или, если превосходят силою экипаж, восстают, убивают, грабят, как сделали в 1852 году с американским также судном «Роберт Боун» (Robert Bowne) китайцы, которых везли в С. Франциско, в Калифорнию»⁴⁰.

Рабочий день на плантации длился с 4.30 утра до 9 вечера. А. Лакиер писал, что китаец, «подобно негру, запирается на ночь в особую комнату, весь день работает и нередко из-за длинной косы, с которой не расстается, виднеется железная колодка, надетая на шею, чтобы обязавшийся служить не вздумал бежать»⁴¹. В то же время А. Лакиер обратил внимание на то, что негр «питает уважение к китайцу и отзывается о его способностях и познаниях с явным унижением для самого себя. «Китайцы знают много» (Los chinos saben mucho) говорит негр, чтобы объяснить, почему положение их лучше; но сами плантаторы, отдавая справедливость повинновению и трудолюбию китайцев, предпочитали бы негров, если бы их было достаточное количество и ввоз их свободен»⁴².

А. Лакиер привел точку зрения самих кубинских плантаторов на проблему дальнейшего существования рабства. Большая часть из них, заметил он, желало, чтобы правительство разрешило, по крайней мере, ввоз черных работников с берегов Африки, как это стали делать, например, французы во всех своих колониях в Новом Свете. Сам автор считал эту идею разумной только в том случае,

---

⁴⁰ Там же. С.330.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С.328.

если бы в «обхождении с несчастными существами было более человеколюбия и сострадания»⁴³.

Однако другая часть, продолжал он, оспаривала пользу от свободного труда и доказывала, что, «при введении его как правила и при совершенном уничтожении негров-рабов, кончится благосостояние колонии и наступит разорение плантаций». Объясняли они это присущей неграм ленью, их неспособностью или нежеланием улучшать свой быт и условия жизни; поэтому они всегда будут жить в бедности и невежестве, а «цветущий остров обратится в богадельню нищих и покроется развалинами»⁴⁴. А. Лакиер задается при этом совершенно справедливым вопросом: вина ли в этом негров и не чаще ли виноваты белые там, где они возлагают вину на чёрных?⁴⁵.

Исследователя - этнографа, да и простого читателя, привлекают те места из путевых заметок, где автор описывает бытовые сцены из жизни различных слоев кубинского общества.

Читая страницы, посвященные описанию повседневной жизни высшего креольского общества, читатель как бы сам погружается в полуденную жару пустых улиц, атмосферу и спокойный ритм их существования. «Днем,- писал А.Лакиер,- на городских улицах тишина; без особенной надобности никто не оставляет своего прохладного жилища, которое, к сожалению, редко устраивается наподобие южно-испанских: нет тех прелестных двориков, тех patios, обнесенных галереями, где вечная тень, где фонтан дает прохладу, апельсиновые и лимонные деревья - зелень. Дома Гаваны открыты прямо на улицу широкими вплоть до тротуаров или до фундамента домов окнами, в которые вставлены железные решетки. Стекла нет в этих больших отдушинах и, в случае докучливого солнца, они закрываются ставнями, от холода же защита излишня, потому что его не бывает»⁴⁶. Над узкими улицами, как правило, натягивалось полотно или сеть из веревок, по которым расстилалось ползучее растение, защищавшее своим цветистым покровом от назойливых лучей солнца.

Красу кубинского общества составляли дамы. А. Лакиер был восхищён грациозностью и изяществом прекрасных смуглых креолок, лица которых можно было увидеть лишь в церкви. Они нико-

---

⁴³ Там же. С. 331.

⁴⁴ Там же. С.331.

⁴⁵ Там же. С. 332.

⁴⁶ Там же. С.278,279.

гда не выезжали из дома без сопровождения слуг и редко подставляли свои личики без нужды под палящее солнце. Даже покупки они совершали, сидя в волантах; кто-нибудь выбегал из магазина и приносил необходимый товар, происходила торговля, и вскоре счастливая обладательница обновки ехала сразу же к *marchande de modes* (портнихе). А. Лакиер был поражен тем, как одеваются представители высшего общества: «..нигде я не видел столько живых, движущихся картин из последнего номера журнала мод, как в Южной Испании и на острове Куба, а потому портных здесь более всяких других ремесленников»⁴⁷. Правда, отмечал автор, женщина в Гаване, помня, что она создана для наслаждений, «не хлопчет о своем воспитании, выходит довольно рано замуж, продолжает тот же образ жизни, мало хлопчет о детях, и, главное,- увы! скоро толстеет и старится. Как до двадцати лет испанка и в Европе и на Антильских островах хороша и увлекательна, так за двадцать она массивна, и это почти без исключений»⁴⁸.

Воскресное утро креольское столичное общество, как правило, проводило в католическом храме, днем пряталось в тени своих апартаментов, наслаждаясь прохладительными напитками (рефреско) и просматривая модные журналы. Лишь только когда спадала дневная жара, прекрасные смуглые креолки, одетые по самой последней французской моде, в сопровождении своих слуг и домашних, садились в воланты и ехали сначала прогуляться по *Paseo de Isabel* (бульвар Изабель) или *Paseo de Tacon* (бульвар Такон), а затем, после восьми, все в тех же бальных нарядах направлялись на *Plaza de Armas* (Оружейная площадь) обычное место сбора высшего гаванского общества, чтобы послушать оркестровую музыку перед резиденцией генерал-губернатора. Здесь же, недалеко от памятника Фердинанду VII, собирался простой люд, работники, и, покуривая свою сигаретку «также наслаждаются вечером и музыкой, пока, в девять часов не пробьют зорю и военные музыканты не двинутся в казармы, а городские сторожа не пойдут по улицам, постукивая палками и объявляя жителям Гаваны час и состояние погоды»⁴⁹.

Иногда вместо слушания музыки лучшая часть общества направлялась в театр Такон, названный так в честь построившего его генерал - капитана М. Такона. По мнению автора, по убранству,

---

⁴⁷ Там же. С.277-279.

⁴⁸ Там же. С. 280.

⁴⁹ Там же. С. 281.

удобству и размерам этот театр стоит в ряду первых. Комедии и драмы, отметил автор, идут здесь чаще всего переводные, с французского. Оперы дают те же самые, какие слышишь в любом европейском городе⁵⁰.

Главными развлечениями же простого люда, живущего в пригородах столицы - это танцы под гитару –zapateo (сапатео). Но все же самым любимым увеселением горожан, отметил автор, являлся бой петухов, подобно тому, как в Испании - бой быков. Этот праздник бедняков автор описывает настолько ярко и красочно, что создается впечатление, будто бы ты сам принял участие в этом действе⁵¹.

В провинции на плантациях креолы, отметил автор, живут также как в городе: встают поздно, утро проводят в изготовлении платьев для вечера, мало хлопочут о хозяйстве, а вечерами играют на фортепьяно.

Его приятно поразило гостеприимство креольских собственников. Везде его встречали как самого почетного гостя. Описывая прием, устроенный в его честь в семействе уже упоминавшегося господина Шапотеня, автор записал: «Стол был уставлен разными яствами, которых я не знал даже по имени; вместо зелени были плоды хлебного дерева, льяме, разные виды пататов, сладкие, длинные; затем бананы в разных приготовлениях... Зато, когда подали дульсес (dulces) и ананасы, я дал своей старшей соседке записную книжку, прося ее записать названия плодов, из которых делают нежные ароматные желе, и сам занялся их отвеद्यванием на свободе. Тут были желе из мараньона (marañon), сапоте или ниспероса (zapote o nisperos), гванабано(guanabano) и анон (anon)»⁵².

Точно такое же радушие встретил русский путешественник и у соседа Шапотеня, владельца кофейной плантации, который непременно хотел показать ему тропические фруктовые деревья, которыми был наполнен его сад, объясняя при этом, что из него делается. «Не говоря о разных сортах апельсиновых и лимонных деревьев, о пальмах и пальметах, о магнолиях, манго, резиновых деревьях,- записал А. Лакиер, - здесь были образцы всех тех деревьев, которых плодом я усладил свой вкус в виде желе и варенья; здесь были роскошные агуакате (aguacate), с зазубренными широ-

---

⁵⁰ Там же. С. 278-282.

⁵¹ Там же. С.283.

⁵² Там же. С.311,312.

кими листьями пальмакреста (palmachisti), гиура (giura), с плодами, из корки которых негры делают себе чашки, сосуды для воды, махагва (majagua) с красивыми цветами, в роде тюльпанов, корохо(сого) с маленькими черного цвета плодами, в роде волоцких орехов, из которых негры выделывают разные безделки: кольца, вещицы для туалета и т. д»⁵³.

Как правило, прислуживали за столом негры и «на каждого из обедавших чуть ли не приходилось по негру с голыми грудью и плечами, одетому наполовину, как будто природный цвет кожи его заменял модный цвет наших одежд». Автор заметил, что « во двор и дом плантатора берется всякий негритенок, который понравится хозяину, хозяйке, дочерям, сыну, гостю; раб как будто ничего не стоит; и если этот раб найдет сердце своих господ ещё незанятым и сумеет в него вкрасься лестью, прислугами разного рода, маленькими подлостями, его карьера готова. Для него нет ничего запретного; негр откармливает сам себя; полные щеки его и спина, до времени остающимися священными для плети надзирателя и управителя, покрываются лоснящеюся кожей; все тело принимает благородную округлость; затем на шее явится, пожалуй, платок; из него высунется белый кончик туго накрахмаленного воротника, и счастливый негр, забыв дни печали, сам вооружается плеткой и стегает ею своего брата чернокожего гораздо больше, чем это делал белый»⁵⁴.

Но при любом проступке прежний фаворит сразу же ссылался на плантацию резать сахарный тростник, а другой фаворит или фаворитка занимали его место. Вообще, заметил автор, «дворня содержится лучше прочих негров; она всегда на виду, и с маленькими негритенками, веселыми, отличающимися изобретательностью и живостью, любят играть дети плантатора»⁵⁵.

Великолепны у А. Лакиера описания тропической природы, которые напоминают как бы картину художника - так достоверно, тонко и мастерски описывает он всю красоту этого края. После того, как окончилась железная дорога в Гуанахае, ему пришлось нанять проводника с лошадей, чтобы добраться до имения Шапотеня. И здесь, за пределами города, русский путешественник впервые увидел роскошь нетронутых девственных тропических растений, массивную зелень деревьев, обвитых мхами, великолепные

---

⁵³ Там же. С. 315,316.

⁵⁴ Там же. С. 312,313.

⁵⁵ Там же. С.313.

кокосовые пальмы, плоды которых утоляли жажду путника, леса диких апельсиновых деревьев, которые скучали, как бы ожидая, кто бы сорвал с них сочный сладкий плод. «Бродишь, как в очарованном саду,- писал он,- и все-таки чувствуешь, что эта зелень, это синее небо, синий воздух, в котором глазу так хорошо, что все эти очарования - действительность, жалеешь, что наслаждаешься ими один без участия дорогих сердцу и напрасно хочешь перенести живое на полотно или бумагу. Оно блекнет, умирает от прикосновения человека; он должен идти на место, чтобы насладиться его прелестями»⁵⁶.

«С грустью в сердце, - писал он в конце воспоминаний, - расстался я с прелестным краем; его природа пленительна, тропический воздух располагает к неге, покою, наслаждениям; небо безоблачно, богатство произведений изумительно - роскошно; о нем можно мечтать всю жизнь, не видав его; нельзя забыть край, увидев его»⁵⁷.

А. Лакиеру удалось в своих путевых заметках достоверно и объективно изложить и показать характерные особенности социально-экономического и политического развития Кубы в конце 50-х гг. XIX века, красочно и увлекательно описать быт, традиции, культуру различных слоев кубинского общества. Это - интересный с научной точки зрения документальный источник, который по праву может расцениваться как важный вклад в развитие отечественной латиноамериканистики второй половины XIX века.

---

⁵⁶ Там же. С.304,305.

⁵⁷ Там же. С. 344.